

Война. Эвакуация 1941-1945.

Наступила самая короткая ночь в году – 22 июня. Всего четыре часа... и мир раскололся. Началась война. После того как прозвучало по радио сообщение Председателя Правительства В. М. Молотова, все, кто был в этот день в Москве, приехали в институт (тогда Б. Калужская, д. 6). Преподаватели, студенты, сотрудники собрались в актовом зале, возник стихийный митинг. Проводили его директор института профессор М. М. Чарыгин, члены партийного и комсомольского бюро. Все присутствовавшие приняли решение считать себя мобилизованными и готовыми выполнить любое задание. Райком партии обратился с просьбой выделить студентов и сотрудников разносить повестки о мобилизации военнообязанным жителям района. Это было первое поручение коллективу

МНИ военного периода. С повестками в семьи входила война, трагически окончившаяся для многих и многих. И для института наступило время совсем иной, непривычной деятельности. Вся работа была перестроена на военный лад: организовано круглосуточное дежурство в здании института и общежитиях, созданы дружины для патрулирования улиц и тушения зажигательных бомб, медико-санитарные и донорские группы. Шла мобилизация.

Аспирант кафедры общей геологии В. Ф. Соловьев вел практику на Военно-Грузинской дороге. Он вернул студентов в Москву, а сам ушел добровольцем на фронт, и уже через несколько дней участвовал в боях под Киевом. Вот как вспоминает о первых днях войны его студент В. В. Семенович: «Я досрочно сдал сессию, и меня решили послать на пару дней раньше остальных: подготовить подводы для вещей (не на себе же все тащить!) и решить мелкие организационные вопросы. Приехал я во Владикавказ числа 15 мая, а группу

Баррикады на улице Москвы. Октябрь 1941 года

На стр. ....:

Ассистент кафедры петрографии майор артиллерист В. И. Данчев и курсанты военной академии, студенты МНИ им И.М.Губкина. Слева направо стоят: Г. Угловский, В. Вего, А. Шаров, И. Иноземцев; сидят: В. Бухарцев, А. Левин, Улемаев, В. Данчев, В. Толокнов, А. Коновалов. Ташкент, 1943 г. Архив Т. А. Лапинской

Противотанковое заграждение на Б. Калужской улице (Ленинский проспект) напротив дома нефтяников, где жили многие преподаватели МНИ им. И. М. Губкина. Москва, октябрь 1941 года

Титульный лист Бюллетеня кружка. №1. Уфа, Соцгород. Весна 1943 года

А. К. Урупов, со 2-го курса ушел добровольцем на фронт, был ранен, в 1945 году вернулся в институт, заведовал кафедрой разведочной геофизики и компьютерных систем. Музей истории РГУ нефти и газа им И. М. Губкина

В первый же месяц войны на фронт из Института ушло 45 сотрудников, в т. ч. секретарь партбюро МНИ аспирант Б. Элькинд, секретарь комитета ВЛКСМ студент Е. Подберезский. В числе первых в июне 1941 г. добровольно вступили в ряды Красной Армии аспиранты кафедры петрографии осадочных пород В. И. Данчев, И. А. Конюхов и П. В.Тархов. С геологоразведочного факультета на фронт ушли молодые инженеры, только что защитившие дипломные проекты и отказавшиеся от брони – Р. И. Быков, В. Ф. Козицкий, К. Зорин, И. Троицкий (группа 36-Г-1).

П. В. Тархов, аспирант кафедры петрографии, ушел добровольцем на фронт, погиб в 1941 г. Музей истории РГУ нефти и газа им И. М. Губкина

ждал 17-го. Почему-то ребята задержались и должны были приехать только 23 июня. Утром 22 июня я остался один на турбазе, т. к. другие туристы разъехались по своим маршрутам, и коротал время около бильярдного стола рядом с радиоузлом. Вдруг по радио началась трансляция речи В. М. Молотова – началась Великая Отечественная война. На следующий день явилась вся наша группа во главе с В. Ф. Соловьевым (впоследствии – крупный исследователь геологии моря, доктор наук, безвременно ушедший от нас в 1971 г.). Офицер запаса В. Ф. Соловьев и один из наших студентов – всеобщий любимец Паша Лубков, отслуживший в армии, в тот же день пошли в военкомат и получили предписание через день явиться для отправки в армию. Этот один день был первым и последним днем нашей практики на Военно-Грузинской дороге. 25 июня мы проводили друзей в армию и вечером отправились в Москву. А через день после возвращения всех ребят собрали и отправили в Смоленскую область строить оборонительные сооружения на ближних подступах к Москве. Подступы, действительно, были близкие: когда мы выгрузились из вагонов, была слышна отдаленная канонада, над нами летали самолеты, а вечером мы увидели зарево горящего Рославля. Дня через три-четыре после нашего отъезда отправились с той же целью в Брянскую область и наши девушки-студентки*.

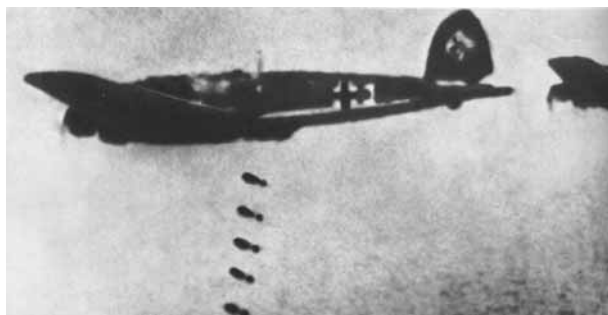
Ю. С. Беклемишев (Юрий Крымов). Погиб в 1941 г.

В июне-июле ушли добровольцами или были призваны в ряды армии студенты, сдавшие 30 июня последний экзамен за 1-й курс: С. Авласенко, В. Александров, Ю. Ключарев, Б. Прошляков, Н. Усанов. Срочно вернулись с геологической практики и ушли добровольцами второкурсники Владимир Виноградов, Петр Туманов, Адам Урупов, Николай Усанов, студенты 3-го курса – Ю. Судариков, А. Кацман, Ф. Толокнов, С. Воскресенский. В отряд спецназначения вступила студентка 2-го курса Н. Костерина. В июле из Института ушли 53 ополченца, в т. ч. старший лаборант кафедры петрографии Анатолий Николаевич Лопаков, ветеран Первой конной армии. К сожалению, не все имена фронтовиков сохранились.

Воевали геологи достойно, многие не вернулись: аспирант П. Тархов, студент Е. Подберезский, инженеры И. Троицкий, К. Зорин, студенты Ю. Ключарев, В. Александров, С. Авласенко, Ф. Толокнов, С. Воскресенский и другие. Погиб доброволец Ю. С. Беклемишев, известный под псевдонимом Юрий Крымов, автор книги

*Семенович В. В. Воспоминания. Рукопись из неопубликованного сборника «Ветераны».

«Танкер "Дербент"». С тяжелыми ранениями вернулись В. Виноградов и А. Урупов.

Рвались на фронт и девушки-геологи, но в военкомате им отказали, объяснив необходимость пребывания в Москве. Девушки клеили маски противогазов, охраняли город от зажигательных бомб. В начале июля были сформированы и посланы в районы городов Рославль и Брянск отряды для строительства оборонительных сооружений. 145 девушек работали по 12-14 часов в сутки: рыли окопы, траншеи, часто под бомбежкой.

«О нашей жизни в последующие три месяца нечего особенно рассказывать: копали противотанковые рвы, эскарпы по берегам рек, рубили деревоземляные огневые точки (ДЗОТы) для пушек. Мимо нас (мы некоторое время работали на пересечении Минского шоссе с Десной) шли на восток беженцы со скотом и вещами, остатки разбитых дивизий из-под Ельни; а через несколько дней уже на запад – войска, затем наступавшие в районе Ельни... В самом конце сентября, совершенно неожиданно, как и большинство событий на войне, нас вывезли на железнодорожную станцию, погрузили в вагоны и утром привезли в Москву».*

После возвращения студентов в Москву директору МНИ, секретарям партбюро и бюро ВЛКСМ пришла телеграмма от 25 августа 1941 г. за подписью начальника 9-го строительного управления Главгидростроя НКВД СССР М. Мальцева и секретаря парткома Гидростроя Г. Кравцова. Вот ее текст:

«Плечом к плечу с бойцами Красной Армии воспитанники вашего института подлинно героическим трудом добились завершения важнейших работ по сооружению оборонных рубежей».

Далее перечислялись бригады девушек, особенно много поработавших, выполнявших задания на 125-140%, и среди них М. М. Иванова, ныне профессор РГУ нефти и газа им.

И. М. Губкина. Заканчивалось послание следующими словами: «Выражая благодарность прекрасно поработавшему коллективу вашего института, мы твердо уверены в том, что десятки и сотни ваших товарищей еще не раз докажут свою беззаветную преданность Родине».

Телеграмма была зачитана на общем собрании коллектива института в начале осеннего семестра. Благодарностями была отмечена и работа юношей.

«Институт нас встретил очень просто – расписанием и учебой в соответствии с учебным планом, без особой лирики. Да для лирики и оснований не было: страна воевала, а нам было приказано учиться, пока мы не понадобится в других местах.

Студенты на рытье окопов и противотанковых рвов. Август-сентябрь 1941 года

*Семенович В. В. Воспоминания...

Мы узнали, что в армию призваны многие преподаватели: наш любимый В. И. Данчев, Ю. А. Косыгин, В. Мальцман и другие»*.

«В конце июля 1941 года на заседании ученого совета единогласно было принято решение – всем преподавателям и сотрудникам, не ушедшим в армию и народное ополчение, включиться в работу по изготовлению оружия и прочего для нужд фронта. Решили приспособить для этого хорошо оснащенные институтские механические мастерские. Директором созданного механического завода был утвержден профессор М. М. Чарыгин. Комитетом по труду и обороне был спущен производственный план по изготовлению деталей для корпусов ручных гранат. На заводе работали в три смены фактически все оставшиеся в Москве студенты, сотрудники и преподаватели. Начальниками мастерских были студенты: сначала В. И. Комиссаров, позднее Н. В. Грозов. Работали с перевыполнением плана, что неоднократно отмечал нарком нефтяной промышленности И. К. Седин и соответствующее военное руководство. В химико-технологических лабораториях трудились над горюче-смазочными материалами профессора С. Н. Обрядчиков, В. И. Исагулянц, доценты И. Л. Гуревич, Д. С. Великовский и др. Естественно, работа требовала непрерывного контроля и внимания, оказания своевременной помощи директора МНИ М. М. Чарыгина, который ежедневно бывал в институте и часто оставался ночевать в своем кабинете»**.

П. А. Рулева
секретарь парторганизации
института 1941 г.

С чувством благодарности открою небольшую тайну. Отпуская на фронт добровольцев, М. М. Чарыгин выполнял и порученную задачу – сохранить институт, и в эти напряженнейшие дни лично ездил хлопотать за немолодых сотрудников в военкоматы, не принимавшие в учет брони.

22 июля 1941 г. была первая бомбежка Москвы, а затем, несмотря на хорошо организованную противовоздушную оборону, бомбить стали почти каждую ночь. На крыше института ночью дежурили и преподаватели, и студенты. Через много лет после войны в письменном столе В. П. Флоренского лежал осколок от снаряда зенитки, который он подобрал на крыше института ещё теплым.

«Первый налет на Москву был в начале июля. В середине июля был обширный налет. Бомбили почему-то концентрированно по Бородинскому мосту, а попадали в Проточный переулоч. Когда утром все вышли из бомбоубежища, вокруг было страшно смотреть. Весь Проточный переулоч был покрыт битым стеклом. Бомба попала в большой дом в конце переулоча. Окна в наших комнатах были выбиты. Налеты были ежедневно»***.

Было решено эвакуировать из Москвы детей до 14 лет, ответственность возлагалась на руководителей учреждений. Институту надо было вывезти семьи сотрудников с детьми в районы Урало-Поволжья, где можно было надеяться на помощь нефтяных организаций. Это решение было согласовано с народным комиссаром нефтяной промышленности (Нарком-нефть) И. К. Сединым. 30 июля М. М. Чарыгин проводил с Казанского вокзала эвакуационный поезд, в котором два вагона-теплушки выделили для семей сотрудников МНИ. Доехали до Муром, а там перегрузились на баржи. Дальше путь по рекам: Оке, Волге, Белой. Семьи, имевшие родных в городах и селах по пути следования, оседали там, остальных приняли и разместили в Уфе сотрудники Башкирского нефтекомбината.

Выполняя Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР и планы Совета гражданской обороны, эвакуация имущества МНИ проходила в два этапа. Подготовительную работу по первому этапу под руководством М. М. Чарыгина завершили до 15 октября 1941 г. Упаковали и

*Семенович В. В. Воспоминания...

**Лапинская Т. А. Воспоминания...

***Постникова И. Е. Воспоминания...

Среди студентов Московского нефтяного института имени Губкина много хороших лыжников. С начала учебного года в институте работает лыжная секция спортивного добровольного общества «Нефтяник». Во время зимних каникул 20 лучших лыжников тренировались под Москвой на туристской базе «Истра». Комсомольская организация института широко пропагандирует лыжный спорт среди студентов. В феврале десятки студентов участвовали во всеюжном комсомольском лыжном кроссе. На снимке: один из лучших лыжников института, инструктор лыжной секции студент геологического факультета т. В. ПОСТНИКОВ подходит к финишу дистанции в 10 километров. Фото Е. ЖВАНЕЦКОГО.

В. Постников, один из «петрографов» военных лет (группа 39-Г-1). Вырезка из институтской газеты, архив Постниковых.

страшные слова: «Москву, возможно, придется оставить, а кадры надо сохранить». Сейчас, да и тогда, трудно сказать, кто дал такой приказ, на каком уровне. Но он был, потому что была поднята вся Москва. Вечером следующего дня, 16 октября, огромные колонны москвичей – рабочих, студентов – двинулись к шоссе Энтузиастов. На Калужскую площадь, а затем на Коровий вал, Таганскую площадь, через заставы (Крестыанскую и Ильича) колонны институтов – нашего, Горного, Стали, заводов «Красный пролетарий» и других – сплошная масса людей. Был сильный налет немецкой авиации, небо полыхало, а люди, машины, велосипеды тележки двигались к единственному свободному шоссе. Нам были определены основные пункты маршрута: во Владимире сесть на поезд до Горького, сбор в Горьковском нефтяном техникуме, затем по Волге до Куйбышева, сбор всех ушедших студентов и сотрудников института назначен в Уфе. Путь от Горького до Уфы был уже как-то организован, а до

погрузили в четыре вагона оборудование, аппаратуру, инвентарь, учебные пособия и библиотеку института. В тот же день в институте был прерван учебный процесс. По приказу И. К. Седина директор М. М. Чарыгин с группой преподавателей выехал в Уфу, а 16 октября 1941 г. началась эвакуация студентов и сотрудников института. Во главе с секретарем парторганизации МНИ П. А. Рулевым, членом партбюро студентом В. И. Комиссаровым и секретарем комитета ВЛКСМ Р. Я. Исаковичем некоторые преподаватели и 300 студентов отправились в эвакуацию пешком. «В начале октября началась массовая эвакуация московских организаций. Уехал наш институт. Студенты шли пешком 100 км, потом их посадили в телячьи вагоны. Немцы подошли к Москве, бомбежки продолжались. Вася вылезал на крышу тушить бомбы»*.

«16 октября пешком в сторону г. Владимира по одному из немногих оставшихся не перерезанными немецкими войсками шоссе вышли студенты и часть преподавателей института. От Владимира добрались поездом до Горького. Там всех принимали и устраивали отдохнуть в Горьковском нефтяном техникуме. Дальше двигались по-разному – поездом или паромом до Куйбышева и снова поездом»**.

«Война застала меня в Краснодарском крае, куда я уехала в экспедицию. Вернулась в Москву в начале октября, а уже 16-го студенты и преподаватели уходили из Москвы. Город бомбили – то и дело вспыхивали зарева пожарищ. Пешком мы прошли какую-то часть пути, затем на попутных машинах доехали до г. Горького, где нас разместили в школе и накормили белым хлебом. Затем на угольных баржах доплыли до Уфы»***.

«Проучились мы не долго: через две недели в общежитие на 2-ой Извозной (теперь – Студенческая) поздно ночью приехал председатель профкома института С. Бакакин и велел нам забирать рюкзаки и ехать в институт. Все были наготове, ведь немцы стояли у ворот Москвы, и тысячи москвичей уже строили оборонительные рубежи. Мы только ожидали команду. Но в институте нам сказали стра-

Владимира часть дошла пешком, кого-то, в частности, наших девушек, удалось посадить на попутные машины. Но главное, что в Уфе началась новая, военная жизнь института»*.

150 студентов, не получивших извещение об эвакуации или не сумевших уйти пешком, были эвакуированы по железной дороге. Их снабдили в дорогу продовольствием, а 97-ми выдали обувь. Из 117 профессоров и преподавателей 48 эвакуировались в составе института вместе со студентами. На ноябрь 1941 г. всем выдали продовольственные карточки. Надо сказать, к эвакуации профессорского состава отнеслись очень внимательно. В трех вагонах пассажирского поезда отправлены профессоры, преподаватели и сотрудники института. Многие могли взять с собою даже книги, мебель и предмет нашей детской зависти в эвакуации – игрушки. Впрочем, далеко не все. Василия Павловича нет в списке профессоров, выехавших вместе с семьями, мебелью, библиотеками, посудой в специальных вагонах, а сам он никогда не рассказывал о том, как попал в Уфу. Декан геологоразведочного факультета уехал со студентами, захватив лишь самое необходимое**. Его семья – жена и трое детей – осталась в Загорске. В ноябре 1941 г. фашисты захватили Дмитров, наступление чудом захлебнулось на пути к Загорску. А в марте 1942 г. родился четвертый ребенок В. П. Флоренского – Мария, будущий специалист по золотым россыпям в Ягодном Магаданской области.

14 суток (с 4 по 18 ноября) шел поезд до Уфы, уступая дорогу воинским эшелонам, идущим на запад.

Первый этап эвакуации завершился. Здание МНИ опустело, но работа продолжалась: были подготовлены к выпуску студенты-дипломники (33 человека). 3 ноября 1941 года они получили дипломы и распределение на работу***. Оставшиеся преподаватели, студенты, служащие готовили к вывозу следующую партию имущества. В тяжелых условиях первых месяцев войны трудно было сохранить все (погибла документация промыслового и геологоразведочного факультетов – данные об успеваемости студентов, экзаменационные листы и пр.).

Вторым этапом эвакуации руководил Ф. К. Требин. Подготовили к перевозке оборудование, отправили в Уфу оставшихся студентов и преподавателей. 28 ноября 1941 г., после

Административный корпус МНИ им. И. М. Губкина в эвакуации. Соцгород. Фотография 1947 года

утверждения Наркомнефтью и ВКВШ акта о состоянии дел по эвакуации, Ф. К. Требин уехал в Уфу. «Когда сейчас, 44 года спустя, я вспоминаю это время, особенно подготовку института к занятиям, неизменно поражаюсь и испытываю чувство огромной благодарности всем, кто после нашего ухода в октябре под бомбежками за несколько дней сумел подобрать все необходимое для учебного процесса, упаковать, погрузить, привезти и запустить учебный процесс. Ведь у каждого из них были заботы о семьях, близких, ушедших и уходящих на фронт»****.

*Постникова И. Е. Воспоминания...

**Лапинская Т. А. Воспоминания...

***Тромович Н. А. Воспоминание...

*Семенович В. В. Воспоминания...

** Отец взял свой портфель, положил туда полотенце, смену белья, бритву и очень рано утром, когда мы, дети, спали, попрощавшись с мамой, уехал в Москву, а потом в эвакуацию.

***Выпуск осуществлен на основании постановления СНК СССР от 3.10.41. № 10010.

****Семенович В. В. Воспоминания...

«16 октября Вася с Сережей поехали в институт и пришли в ужас. Они увидели полный разгром, был какой-то кошмар. За директора остался наш химик Борисов-Потоцкий, который стал восстанавливать институт и приводить все в порядок. В Москве начался пир во время чумы. Каждый день просыпались с опаской увидеть на улице немцев. Но мы из института вынесли свои лыжи и решили, что если не будет возможности уехать, уйдем на лыжах, так как снег уже выпал. В этот месяц бомбежки стали реже. Только однажды бомба в 1000 кг угодила в Парк культуры им. М. Горького, отчего мы свалились с тахты»*.

В первые же месяцы войны в Башкирию из прифронтовой зоны было эвакуировано 172 промышленных предприятия, в т. ч. Наркомат нефтяной промышленности. В Стерлитамак перебазировался Азербайджанский трест нефтегазразведки. Из Майкопского и Грозненского районов прибыло оборудование нескольких предприятий нефтяной промышленности. К концу 1941 г. в республике было размещено 278 тыс. эвакуированных, в том числе 104 тыс. в Уфе, а коренное население города не превышало 250 тыс. человек. Уфа была перегружена эвакуированными.**

При содействии Башкирского обкома ВКП(б) и Наркомнефти 10 ноября 1941 г. СНК БАССР предоставил институту помещения, а 12 ноября 1941 г. институт обрел дом в Соцгороде, в 17 км от Уфы (теперь это в черте города). До войны это был рабочий поселок Уфимского крекинг-завода, вокруг которого шло грандиозное строительство Уфимского нефтеперерабатывающего, химического и машиностроительного заводов и других предприятий всесоюзного значения. В 1935–1940 гг. сюда направлялись тысячи строителей, монтажников, нефтяников.

Для администрации и учебных занятий институту выделили двухэтажное здание № 45 на улице Ульянова (Ленина), а для лабораторных занятий и жилья преподавателей – еще три дома общей площадью более 400 м². Это были шлакоблочные двухэтажные дома, построенные из шлака металлургических заводов. В середине ноября прибыли вагоны с группой преподавателей, библиотекой и частью аппаратуры. Наиболее оснащенным оказался геологический факультет, прежде всего – кафедра петрографии осадочных пород: сотрудники привезли микроскопы, часть минералогического музея и т. п.

В приказе по институту от 14 ноября 1941 г. был утвержден временный руководящий состав, в который вошел и профессор кафедры петрографии Л. В. Пустовалов, как заместитель директора по учебной работе. Институт в Уфе готовил специалистов на 4-х факультетах, в т. ч. на геологоразведочном по специальности «Поиск и разведка нефтяных и газовых месторождений». 27 ноября были назначены деканы. Поскольку не все преподаватели поехали в Уфу, то руководству института приходилось восполнять их недостаток. На 15-ти кафедрах из 26-ти были назначены новые заведующие, большинство кафедр возглавили профессора и доценты. На геолого-

Татьяна Владимировна Корсакова

*Постникова И. Е. Воспоминания...

**В разделе о Великой Отечественной войне использованы материалы уникального исследования: Д. Л. Рахманкулов, А. Х. Аглиуллин, Б. У. Имашев. Деятельность Московского нефтяного института имени академика И. М. Губкина и его филиалов в период Великой Отечественной войны и в последующие годы в Республике Башкортостан. Уфа: Реактив, 2005. 228 с.

разведочном факультете деканом остался В. П. Флоренский, парторгом избрали Т. А. Лапинскую, а студента В. В. Семенович – и. о. председателя профкома. Кафедры возглавили: общей геологии – проф. М. М. Чарыгин; геологии нефтяных месторождений – проф. И. О. Брод; петрографии осадочных пород – проф. Л. В. Пустовалов; разведки и геологии нефтяных месторождений и геофизики – проф. М. А. Жданов. В эти тяжелые военные годы на небольшой коллектив факультета ложилась не только масса учебных занятий, но и большая организационная и воспитательная работа. Постоянно приходилось решать множество неотложных вопросов организации учебы и быта студентов.

Л. Т. Рябинин, ветеран войны, сталинградец. После демобилизации работал в институте учебным лаборантом. Регулярно возил на своей спецмашине «Петрографов» на экскурсии. Теперь его сын Григорий руководит студенческим шлифовальным кружком

20 ноября 1941 г., как и предписывалось документами Наркомнефти по эвакуации и развертыванию деятельности на новом месте, несмотря на ощутимый недостаток преподавателей, учебный процесс в МНИ был полностью обеспечен, и занятия, прерванные 15 октября 1941 г. в Москве, были возобновлены в Соцгороде возле станции Черниковка через месяц и 5 дней.

За неделю усилиями всего коллектива помещения были подготовлены к проведению учебных занятий: организовано 11 аудиторий на 20-22 студента каждая, а в двух больших могли заниматься около 60 человек, были аудитории и на 10 слушателей. В каждой лаборатории размещалось по 8-12 рабочих мест. Вначале основными учебными пособиями были доска, мел, чертежи и схемы, вычерченные самими преподавателями. На первом этапе этого было достаточно, но в дальнейшем ограничивало рост числа учащихся. Проблемы возникали и при развертывании научно-исследовательских работ, для проведения которых институт не имел оборудования. Только в феврале-марте 1942 года, наконец, прибыли отправленные еще осенью из Москвы коллекции минералов и пород, лабораторное оборудование, микроскопы и прочий учебный инвентарь. «В военных условиях, несмотря на все трудности, учеба в институте началась с первых дней – в конце ноября, через три недели после прибытия первой группы студентов, буквально через считанные дни после прихода вагонов с библиотекой и оборудованием и приездом профессорско-преподавательского состава с семьями, в которых, естественно, были и дети»*.

«Наш институт располагался под Уфой, в Соцгороде. Зима начиналась жгучая, до -40 °С. Нас, несколько семейных пар, поместили в барак, который стоял в поле, в километре от института. Приходилось топить печку. У нас были две комнатки: в одной мы, в другой – Саша Тюрина. К этому времени получили вещи из Москвы, и удалось навести кое-какой уют. Дрова для топки добывали, разбирая старые сараи и туалеты»**.

Из сотрудников кафедры петрографии осадочных пород в Соцгород приехали профессор Л. В. Пустовалов, доцент В. П. Флоренский, ассистент Т. А. Лапинская и старший лаборант Т. В. Корсакова. Весной 1942 г. на кафедре стала работать ассистент А. Г. Коссовская. Лекции читали Л. В. Пустовалов, В. П. Флоренский и Т. А. Лапинская. «Нас, геологов, сразу объединила кафедра петрографии осадочных пород: Л. В. Пустовалов, В. П. Флоренский, Т. А. Лапинская и, конечно, Т. В. Корсакова – многолетняя «хозяйка» минералогических коллекций. Воссоздание музея здесь в Уфе сплотило нас вокруг кафедры. А духовно, интеллектуально, и душевно объединившей нас основой была особая атмосфера старой русской интеллигентности, созданная людьми, которых я перечислил. Она сохранилась, несмотря на все духовные тяготы войны. Ведь о житейских тяготах нет смысла говорить: их знает

*Лапинская Т. А. Воспоминания...

**Постникова И. Е. Воспоминания...

каждый, переживший войну. Но особая, уважительная, доброжелательная атмосфера, царившая на кафедре, повлияла на нашу уфимскую и всю последующую жизнь»*.

Сначала пришлось налаживать учебу в совершенно непригодных помещениях. Здания были переданы без мебели, но отдел народного образования Сталинского района Уфы выделил школьную мебель, которую приспособили для вузовских аудиторий и лабораторий. Очень помогли ученики Черниковского ремесленного училища. 12-14-летние мальчишки мастерили лабораторные столы, вытяжные шкафы, витрины для образцов по чертежам преподавателей и Т. В. Корсаковой. Летом 1942 г. их застеклили, и на втором этаже лабораторного корпуса торжественно открыли Минералогический музей. Витрины и коллекции музея после войны долго служили студентам Уфимского нефтяного института.

«Мы с большим энтузиазмом принялись обустраивать новый институт. Многие дали наши шефы, в основном нефтеперерабатывающий завод, в поселке и помещениях которого мы разместились. А сплотили нас, конечно, профессорско-преподавательский состав и сотрудники института»**.

Бытовые условия жизни студентов в годы войны были нелегкими. Студенты жили во временных бараках, оставшихся от строителей Уфимского нефтеперерабатывающего завода: на значительном расстоянии друг от друга располагались 24 так называемые кухни и 3 отдельные комнаты. Преподавателям отвели два шлакоблочных двухэтажных дома. Семейные разместились в отдельных комнатах, а две приспособили под общежитие для одиноких.

Поначалу студентов кормили в столовой № 2 Уфимского горторга. Качество пищи было аховое, а в очереди приходилось простаивать часами, из-за чего студенты часто опаздывали на занятия. Молодежь возмущалась, жаловалась... и сочиняла на эту тему частушки и стихи. В начале февраля 1942 г. с открытием столовой № 4 положение значительно улучшилось. Для преподавателей были организованы трехразовое питание по карточкам в отдельных залах и продажа продуктов по коммерческим ценам.

Профессор МНИ Л. В. Пустовалов вспоминал: «Лично нарком нефтяной промышленности И. К. Седин, а потом партийные и советские органы БАССР проявили исключительную заботу в деле обеспечения института помещениями, необходимыми для развертывания на новом месте. Внимание к институту проявлялось и в дальнейшем. Но даже при этих весьма благоприятных условиях, коллективу МНИ и его руководителю потребовалось огромное напряжение, чтобы реализовать эту помощь в наикратчайшие сроки, по возможности сведя к минимуму перерыв в учебной работе. В первом семестре 1941/42 учебного года была проделана колоссальная работа по воссозданию института на новом месте, что почти равносильно созданию нового вуза, причем в сложных условиях военного времени. Налаженный аппарат отсутствовал, т. к. по распоряжению ВКВШ частично был оставлен в Москве, не хватало преподавателей и транспорта для перевозки мебели, оборудования, книг и т. д. Буквально все пришлось создавать и сколачивать заново».

*Семенович В. В. Воспоминания...

**Семенович В. В. Воспоминания...

И. А. Конюхов, аспирант кафедры петрографии. 1941

По сообщению инструктора отдела школ ЦК ВКП(б) Шмырова, МНИ первым из всех эвакуированных вузов восстановил учебный процесс, хотя многие институты были перевезены раньше.

Лютые морозы 1941 г. не обошли и Уфу. Температура опускалась до -40-50 °С. В бараках, где разместили студентов и преподавателей, было тесно и холодно, а ведь многие приехали налегке, почти без вещей. Большая часть книг, необходимых для научно-исследовательской и самостоятельной работы студентов, дипломного проектирования, хранилась в упакованном виде на складе. Не было обычной писчей бумаги, и студенты брали какие-нибудь ненужные книги и вели конспекты меж печатных строк. Не хватало ручек, перьев, чернил и особенно туши. Руководство института стремилось наладить плановое снабжение канцелярскими принадлежностями через Наркомнефть.

Коллектив института жил, как и вся страна, деля с тружениками Башкирии общие заботы и трудности. В тяжелых условиях зимы 1941/42 г., часто без теплой одежды, недоедая и без всякого вознаграждения, студенты постоянно сдавали кровь для раненых: М. М. Иванова (ныне профессор) сдала 13 литров, по 8-10 сдали сестры Заливаловы, Е. Козлова, Н. Галактионова, А. Шубик и многие другие. Кроме занятий в институте студенты и сотрудники дежурили в госпиталях, разгружали эшелоны с ранеными, во время снежных заносов расчищали железнодорожные пути на станциях Черниковка и Уфа, летом работали в совхозах. 14 февраля 1942 г. студенты, профессора, преподаватели, рабочие и служащие института участвовали в общешкирском воскреснике, а 29 марта были мобилизованы для оказания помощи Уфимскому крекинг-заводу (студенты работали там и позже).

Положение оставшихся в Москве было нелегким. Иногда вместо хлеба по карточкам выдавали... дрожжи. Дело в том, что биохимики сумели вырастить дрожжи на опилках! Получилось вполне съедобно, особенно если жарить на масле. Но порой приходилось вместо масла использовать стеариновую свечку.

До конца года в Соцгород ещё продолжали прибывать студенты, отставшие от общей эвакуации или с производственной практики. В приказе по институту от 20 ноября 1941 г. упоминается о находящихся в пути 110 студентах, а в приказах от 4 и 23 декабря говорится уже о прибытии, соответственно, 71 и 21 студента. На старшие курсы в этот же период были переведены студенты из других вузов, принятые эвакуированные в индивидуальном порядке 33 человека. При меняющемся составе студентов и начались занятия. Из-за мобилизации и ускоренных выпусков в декабре 1941 г. число студентов сократилось до 200: часть была мобилизована в ряды РККА, 145 человек поступили в военные академии, некоторые ушли в лыжные, коммунистические и истребительные батальоны.

Первый ускоренный выпуск молодых специалистов (студенты 4-го и 5-го курсов) в Уфе состоялся в ноябре 1941 г. Приказом по институту №7 от 14 ноября 1941 г. на производство было направлено 58 выпускников, подавляющее большинство – горные инженеры по промышленному делу.

В декабре 1941 г. на 1-м курсе сформировали группу 41-Г-1, её старостой назначили студентку Е. А. Грибову. В конце декабря в Уфу прибыли 8 студентов старших курсов ГРФ, еще 6 студентов этого факультета возвратились с производственной практики. Студенты 5 курса ГРФ А. И. Волков и Г. Х. Хакимов, выпущенные без защиты дипломных работ, были направлены на производство.

Зимняя сессия 1941/42 учебного года проходила в героической обстановке. Сильно сказывалась нехватка учебного и демонстрационного оборудования института, особенно некомплектованность библиотеки. По некоторым дисциплинам на всю группу студентов (10-25 человек) имелся только 1 учебник. Но лишь 9 студентов из 147 явившихся на экзамены получили неудовлетворительную оценку, а треть сдали сессию на «хорошо» и «отлично». Комиссия Наркомнефти сделала вывод, что зимняя сессия 1941/42 учебного года, учитывая тяжелейшие условия военного времени, прошла удовлетворительно, особенно если принять во внимание количество стипендиатов – 61 человек (до войны в Москве при значительно большей численности студентов стипендиатов было 58).

*Декану геологического факультета
Прошу разрешения
получить мыло дочери
Смирновой М. (42-Г-1) и
невестке Анисимовой Э.
(40-Г-1), т.к. у них
очень большая нужда.
17-7-43 А. Смирнов*

Заявление декану геологоразведочного факультета 17 мая 1943 года

«Зима все крепчала, и мы уже не могли ходить в барак и ночевали в аудитории. Сессию сдали очень хорошо и получили повышенную стипендию. Брод взял на кафедру работать сначала меня, а потом и Васю. Работа с Бродом была началом моей большой научной деятельности. По его заданию мы ездили с Е. Ф. Фроловым в Уфу, где я встретилась с научной элитой, собранной в экспедицию Академии наук. Сидели все вместе за большим столом в громадной комнате местного обкома. Во главе стола в кресле – А. А. Богданов с обручальным кольцом на руке, сзади висела большая карта Урала. За столом – С. Г. Саркисян, П. Е. Оффман, Новикова и Д. М. Раузер-Черноусова...»*

Протоколы заседаний ученого совета МНИ показывают, что приходилось решать

огромный круг вопросов – от обеспечения студентов одеждой и обувью до серьезнейших проблем учебно-воспитательного характера. Например, в одном из документов выносится постановление:

- «1. а) Обеспечивать студенчество, служащих, профессорско-преподавательский персонал, а также хозяйственные службы института регулярным снабжением с 15 апреля 1942 г. хозяйственным мылом в количестве 250 кг ежемесячно;
- б) обеспечить студенчество не позднее 15 апреля 1942 г. 200 парами сапог, 400 шт. простыней, 200 шт. одеял, 400 шт. наволочек, 100 шт. чехлами для матрацев и 100 шт. кроватей.
- 2. Обязать Уфимский крегинг-завод и Уфимнефтезаводстрой:
  - а) не позднее 20 апреля 1942 г. закончить строительство общежития для студентов, планируемое раньше под ясли № 1;
  - б) не позднее 10 апреля 1942 г. выделить под общежитие студентов и отремонтировать один из барачных № 17, 12 или 19 взамен 24 комнат-кухонь, занятых институтом в разных бараках Соцгорода;
  - в) не позднее 15 апреля 1942 г. выполнить полностью распоряжение зам. наркомнефти Н. К. Байбакова о выделении двух квартир с 10 комнатами для профессорско-преподавательского персонала в доме № А-3**;
  - г) не позднее 1 апреля 1942 г. провести работы по монтажу канализационной сети в преподавательском корпусе».

Многие студенты и сотрудники были призваны в армию, уходили на фронт добровольцами, а в приказе по институту значилось: «Ввиду мобилизации в ряды РККА предоставляется отпуск до возвращения из РККА следующим студентам МНИ...»

Приказом директора МНИ № 44 от 04.02.1942 г. 13 студентов старших курсов ГРФ были направлены в Военную академию механизации и моторизации им. И. В. Сталина. А в середине мая 1942 г. пятерых студенток – Н. Грамович, Г. Моисееву с 3-го курса и трех первокурсниц – направили в Сталинград в прожекторный полк. Они участвовали в разгроме армии Паулюса, освобождали Польшу, брали Берлин. В сентябре-октябре 1942 г. ушли добровольцами на фронт студенты-геологи С. Вознесенский (погиб), М. Файтех (погиб), В. Лекторский (пропал без вести), А. Чарыгин, В. Хмырев, В. Знаменский, Н. Рулева, Э. Эрман,

*Постникова И. Е. Воспоминания...

**В одной из комнат в трехкомнатной квартире этого дома жил вначале и В. П. Флоренский с семьей (дом стоит и поныне)

Г. Фолькман и многие другие. А возвращались в основном демобилизованные после ранения. Будущий ректор Института Владимир Николаевич Виноградов из-за тяжелого ранения перевелся с геологического на механический факультет. Борис Константинович Прошляков стал профессором, деканом геологического факультета, А. М. Чарыгин – доцентом. Аспиранты кафедры В. И. Данчев и И. А. Конохов после демобилизации закончили аспирантуру, стали докторами наук и крупными учеными.

К четвертьвековому юбилею Победы студенты сделали обзор сохранившихся писем с фронта. Они немногословны, но во всех чувствуется доверие. Для многих институт стал единственным местом, где были близкие люди. Часто письма адресовали декану геологического факультета В. П. Флоренскому: «Многоуважаемый Василий Павлович!.. Мне очень хотелось бы побывать у вас, узнать институтские новости, закончить мою аспирантуру. Но это сейчас несвоевременно. Я работаю в тресте и буду продолжать работать, пока не позовут воевать... У нас из треста ушли уже двое...» И дальше о своей работе, просто и без громких слов: «Работа у нас идет полным ходом. На будущий год ожидается сильное расширение работ за счет роста роторного бурения. Будем стараться дать стране нефть...» (С. Ситников, 12 февраля, 1942 г.)

С фронта тогда писали мало – не до того было. Чаще приходили письма из госпиталей, из военных училищ, например, такие: «...я сейчас продолжаю учебу в военном училище, готовлюсь стать командиром Красной Армии, чтобы умело вести бойцов на окончательный разгром фашизма». (Аржевский, 27 февраля 1942 г.) Или такие: «...пишу вам уже из части. Скоро получим обмундирование, примем присягу и станем настоящими бойцами». (Г. Моисеева, 5 июня 1942 г.) В деканат обращались с самыми разными просьбами, например: «Прошу разрешения получить мыло дочери Смирновой М. (42-Г-1) и невестке Анисимовой (40-Г-1), т.к. в нем очень большая нужда».

Ни на минуту не останавливалась жизнь института в эвакуации. Так же проходили лекции и практики, те же были преподаватели и студенты, так же работал кружок «Петрограф». Разве что все стало серьезнее и озабоченнее – шла война. Специалисты нашего института тогда ценились очень высоко, о чем свидетельствует следующее письмо: «... наши бывшие студенты с гораздо лучшей подготовкой, чем другие. Кругозор шире, в поле работают уверенно, прекрасно знают химию, геофизику и, особенно, осадочную петрографию. У нас, как вы знаете, есть геологи-петрографы, кончившие Днепропетровский университет, Горный институт, Киевский университет, и все они во многих вопросах пасуют перед нашими...»

Годы, проведенные в Уфе, не прошли бесследно не только для нашего института. После войны начал готовить специалистов Уфимский нефтяной институт – наш «младший брат», где остались учиться и работать многие сотрудники и студенты МНИ.

«Немало студентов и выпускников МНИ воевало и работало в тылу, и письма в институт приходили со всех уголков страны. Люди трудились везде, и какие это были люди: смелые и отзывчивые, преданные и

Артиллерийский снайпер		
<p>Командира батареи лейтенанта Данчева в шутку называют «артиллерийским снайпером». Уничтожать самые ответственные цели приказывают ему и его батарее.</p> <p>Разведка донесла, что с северозападной стороны приближается немецкий танк. Вскоре танк приблизился к нашей линии обороны. Немцы пытались вести огонь по нашим позициям.</p> <p>Данчев подготовил точные исходные данные, сделал один выстрел. Разорвавшийся близко снаряд внес расстройство среди врагов. Мотор танка зашумел. Гитлеровские молодчики</p>	<p>думали бежать, но были застигнуты следующими четырьмя снарядами.</p> <p>— Собакам — собачья смерть, — сказал Данчев, когда от немецкого танка осталась груда обломков.</p> <p>В ответ на меткий огонь наших артиллеристов открыла стрельбу минометная батарея врага. Мины рвались недалеко от нашего наблюдательного пункта. Данчев рискуя жизнью вел ослабное наблюдение за противником.</p> <p>Когда беспорядочная стрельба немцев кончилась, он позвал команду: — Приготовиться!</p>	<p>Командир орудия — командир Иван Трофимов — сделал последнее приготвление, и к немцам полетели снаряды. Шесть снарядов потребовалось для того, чтобы смешать с землей немецкую минометную батарею.</p> <p>Фашисты пустились на хитрость. Обход позиций стала курсировать карета «скорой помощи». Но... из нее высаживали снаряды. Противник думал нанести контрудар во фланг нашим подразделениям. Хитрость была разгадана. Выстрелами лейтенанта Данчева фашистская машина была уничтожена.</p> <p>Заместитель полторуса С. Куликов.</p>

Вырезка из полковой газеты. Архив Т. А. Лапинской

И. В. Постникова, автор цитируемых воспоминаний (группа 39-Г-2). Архив Постниковых

целеустремленные. Так было почти сорок лет назад. Тогда было очень трудно. А имеем ли мы право быть хуже этих людей? Ведь мы их преемники».*

В феврале 1942 г. профессорско-преподавательский состав ГРФ пополнился. На должность старшего преподавателя кафедры геологии нефтяных месторождений была зачислена кандидат геолого-минералогических наук Н. Ю. Успенская, а на кафедру общей геологии для чтения курса исторической геологии – профессор М. В. Кленова, доктор геолого-минералогических наук.

Последний вагон с оборудованием и документацией прибыл в марте 1942 г., так что в весеннем семестре, кроме лекций, начались и лабораторные занятия, а деканы факультетов и учебная часть занялись уточнением переходных учебных планов.

Первый военный учебный год, несмотря на трудности, заканчивался успешно. Состав студентов и преподавателей был сохранен. Институт сумел не только восполнить убыль студентов, но и увеличить численность на 40%. В значительной степени сохранилась и материально-техническая база.

Успешно закончили год и студенты ГРФ. Из 41-го старшекурсника 32 сдали весеннюю сессию и были переведены на следующий курс без академических задолженностей. Студенты-выпускники защищали дипломы перед авторитетными комиссиями. На геологоразведочном факультете в ней председательствовал начальник Главгеологии нарком нефти СССР Василий Михайлович Тенюков, выпускник Института. Вместе с осенними выпусками Институт дал нефтяной промышленности в 1941/42 учебном году 210 специалистов – почти столько же, как в последнем довоенном году.

В эвакуации установились тесные и добрые отношения между студентами и преподавателями: жизнь под одной крышей, общие дела, тревоги и невзгоды сплачивали коллектив. Вместе питались в столовой, дежурили в госпиталях, расчищали снежные завалы на железной дороге, выезжали на уборку сена и овощей в колхозы. Преподаватели часто заходили в студенческое общежитие – тогда говорили: «Живем в одном дворе». У многих студентов близкие были в оккупации, и институт становился для них единственным пристанищем. На первом этаже, на доске объявлений, вывешивались сводки Информбюро и даже фронтовые письма-треугольники от студентов. И конечно, все с тревогой и надеждой ловили сообщения с фронтов, ждали известий от родных и друзей, служивших в армии.

«Атмосфера дружбы студентов и преподавателей вообще была характерна для уфимского периода и сохранилась навсегда. Кто-то ушел из жизни, и память о них для нас священна, кто-то здравствует и радуется общением. И именно память об этой духовной стороне жизни всегда согревает... Говоря об уфимском периоде института, невозможно не вспомнить наших библиотечарей. Сейчас, когда мы стали пожилыми, а некоторые – именитыми, обзавелись библиотеками. И все знают, каким безнадежным делом представляются поиски нужной книги на собственных полках. Каким же подвигом библиотечарей во главе с

Пещера на Белорецком тракте в окрестностях г. Ишимбаево, где в 1943 году проходили практику студенты МНИ, во время экскурсии «Петрографа». Слева направо: В. Маилянц, Г. Смирнова, П. В. Флоренский, Л. Панкратова, Л. Донгарян, Н. Караченцева. Урал, август 1973 года. Фото К. Е. Дементя

* Дмитренко И. Деканат геологического. Уфа. 1941–1943 гг. (НГ-76-2). (ЗКН. 1979.05.05. № 17 (869))

Конверт письма В. П.Флоренского из эвакуации

М. А. Кузьминой был подбор в течение буквально часов, а затем упаковка, отправка и формирование библиотеки в Уфе. Мы в то время об этом не задумывались. В самом деле: есть библиотека – дай книгу. А сейчас, возвращаясь к прошлому, с благодарностью вспоминаешь наших библиотечарей. Ведь только подумать: привезена была даже часть иностранной литературы!»*

«Здесь произошло незабываемое событие. В нашей группе назрел вопрос женитьбы Володи Семеновича и Ольги Барташевич. Мы решили свадьбу устроить в нашем бараке: собрали дров, кое-какой закуски, достали питье. Шуру взяли к себе в комнату, а Семеновичам предоставили комнату Шуры. Вдосталь повеселились, а утром прослезилась: наши молодые угорели, так как в печке оказались трещины, а топили мы на совесть. Мы их бедных вытаскивали на улицу и оттирали снегом, но все обошлось. Все это нам запомнилось на всю жизнь, до золотой свадьбы»**.

По выходным дням все вместе, студенты и преподаватели с детьми, ходили на крутой берег реки Белой, где обнажались пермские красноцветы и белоснежные гипсы, по которым В. П. Флоренский был специалистом. В июле 1943 г. он организовал и провел двухнедельную учебную геологическую практику на Белорецком тракте, который с востока на запад пересекает Урал и выходит к Ишимбаеву. Был пройден Уральский хребет в одном из самых интересных в геологическом отношении районов.

«Весной 1942 года я и С. И. Коган уехали в левую экспедицию собирать газовые пробы. Начали со Стерлитамака, где мы жили в нефтяном бараке вместе с бакинскими нефтяниками. И вот однажды в барак влетела какая-то нефтяница и сообщила, что отъезд отменяется. На Туйма-

Соцгород. Корпус А-3, где на 3 этаже под балконом находилась институтская комната

*Семенович В. В. Воспоминания...

**Постникова И. Е. Воспоминания...

зинской площади нашли нефть. Это было величайшим открытием. Нефть была получена из терригенного девона в 1944 году в 100-й скважине. Из Ишимбая я вернулась и ушла в декретный отпуск. Жила в Уфе и готовилась к экзамену по петрографии. В начале августа поехала в Соцгород сдавать экзамен Пустовалову, получила, конечно, пятерку. После этого меня вызвал Флоренский (он был деканом) и устроил головомойку за то, что я в таком состоянии приехала в институт, категорически запретил приезжать и отпустил Васю (мужа), чтобы он был со мной в Уфе... Особым событием нашей жизни было рождение нашего Гогочки 2-го сентября 1942 года»*.

Соцгород. Вид с балкона 2-го шлакоблочного дома, где жили Флоренские, на 1-й дом и угол административного корпуса института. Фото профессора С. В. Владиславлева, 1942

В августе 1942 г. к В. П. Флоренскому приехала жена с четырьмя малыми детьми. Об этом она писала свекрови Анне Михайловне Флоренской. Вот документальное свидетельство о том тяжелом времени:

14 сентября 1942 г.

«Мы благополучно добрались до Уфы, добрые люди помогли мне высадиться, но когда я оказалась одна с кучей вещей и детей¹ между двумя стоящими поездами, то меня начала бить лихорадка, но вскоре меня окликнули два молодых человека², которые оказались Васинными студентами, посланными дирекцией для моей встречи. Васи же в Соцгороде не оказалось, он был в командировке и приехал только в воскресенье вечером... Очень худой, загорелый и какой-то изможденный. Ел он здесь без нас плохо, и хотя у него здесь была компания с Лапинской, которая ему даже стряпала, всё же он голодал, хотя причин к этому не было, т. к. столовая у них приличная и паёк он получал всё время хороший³. Ест мою стряпню с удовольствием и в столовую не ходит.

Встретили нас очень хорошо, просто замечательно. Вообще к Васе здесь относятся с большим уважением, и он пользуется здесь большой известностью, мой приезд произвел здесь настоящий фурор, а, следовательно, получилось весьма эффектно...

Комнату мы получили на третьем этаже в 5-этажном доме, с паровым отоплением, ванной, водопроводом и электричеством, но уборной нет совсем⁴... Комната поменьше нашей большой, но плохо, что здесь нет уборной и негде сушить белье, а на улице все время дождь. Комната у нас довольно сырая, и я побаиваюсь за детей. Дом этот недостроенный⁵. <...> Дали нам 4 кровати, 2 стола, 4 табуретки.

Я беру из столовой обед и ужин домой и немного добавляю дома, получается еды на целый день. Плохо только, что много обрывают карточек⁶, которые исчезают моментально,

*Постникова И. Е. Воспоминания...

¹Наталья Ивановна приехала с четырьмя детьми – 6 лет, 4 года, 2 года и полгода – здесь и далее прим. авт.

²Гаркави и И. И. Фельдман.

³Паек Василий Павлович отправлял посылками в Загорск жене с детьми, матери и сестрам.

⁴Во дворе среди домов стояла стандартная постройка из досок, одна на весь квартал.

⁵Во время командировки в Уфимский нефтяной институт в 2005 году я подошел к этому дому (тогда он именовался А-3), стучался в квартиру 5, но никого не было.

⁶Речь идет о талонах на продуктовых карточках.

Рядом фотография с того же балкона через полвека и П. В. Флоренский на пожарной лестнице в холле этого дома. Фото 2005 года

но здесь все подкупают карточки на базаре⁷. Иждивен<ческая карточка> на крупу и мясо (здесь иждивен<енцам> дают 200 гр жиров и 300 гр мяса) стоит на базаре 30 р8. Все ходят и продают свои карточки совершенно открыто. На базаре здесь цены значительно ниже загорских. Со вчерашнего дня картошка подешевела до 8-9 р., но молоко дороже, чем в Загорске и за хлеб дают очень мало, за кило 1 литр. Бывает гороховая мука 1 кг 50 р. Мука хлебная такая же, как в Загорске – очень дорогая и достать

невозможно. Мед 200 р. кг, масло сливочное 200 р. фунт, творога здесь не бывает и сметаны тоже... Муки и крупы достать ни за какие деньги здесь невозможно. Поэтому, кроме масла, которое я поменяла на Вашу юбку, у меня для вас нет ничего, а его вышлю, как только будут бутылки и оказия... Меняют здесь лучше. За метр сатина дают фунт масла, ситец же, да и сатин тоже признают только черный⁹».

1 октября 1942 г.

«В смысле питания мы устроены ничего, хотя я и думала, что будет совсем хорошо... Посылки, которые посылал нам Вася, были все из его пайка, а поэтому уж никакого запаса у него не было, и мы оказались ни с чем...

Васю снабжают неплохо, сверх пайка подбрасывают что-нибудь частенько... иногда делают выдачи сверх карточек, например, в сентябре он получил 50 гр чая, 300 гр сахар<ного> песку и 300 гр шоколаду, а на днях думают дать шоколадный порошок. Обещают выдать овощи. Вот тогда мы оживем, а сейчас трудновато...»

9 октября 1942 г.

«...Из нашего института едет помдиректора Иван Еремеевич Сметанюк за вещами сотрудников, которые он повезет в специальном вагоне. Мне бы очень хотелось, чтобы Вы упаковали и отправили в Москву на Б. Калужскую улицу ряд моих вещей¹⁰. <...> «Одиссею» Гомера. Сапоги, которые Вы хотели продать, если не продали, то пришлите мне, т. к. я

⁷Покупать и продавать в Москве продуктовые карточки было запрещено, да и невозможно.

⁸Иждивенческая карточка – карточка низшей категории на продукты для неработающих членов семьи. Наталья Ивановна в письме приводит месячные нормы на жиры и мясо.

⁹Все в трауре.

¹⁰Далее идет список из десятка пунктов, я привожу здесь только два.

Профессор С. В. Владиславлев, заведующий кафедрой математики (1941-1962)

оказалась здесь совершенно разутой, а грязь здесь совершенно потрясающая, Вы такой не видали ещё. <...> Бутылки вложите тоже, а то нам с Васей невозможно переслать вам масло, т. к. здесь достать бутылку совсем невозможно и у нас с Васей их нет. <...> Если у вас есть возможность достать шпилек и гребенок в голову – очень прошу прислать, т. к. я хожу «Степкой – растрепкой» (шпильки приспособился делать из медной проволоки студент И. Фельдман) <...> Пришлите 2-3 чашки с блюдцами, здесь их купить нельзя¹¹. <...> Живем мы морально совсем хорошо, но материально скверновато, т. к. зарплату Васе не платят и нам приходится туго¹², очень волнует меня, что не могу выслать Вам, но вина не моя. <...> С питанием у нас сейчас скверновато, т. к. у Васи к нашему приезду ничего не оказалось, он все выслал нам и у нас сейчас буквально ни крупинки соли¹³, ни крупинки и ни мучинки. Паек мы почти весь проели в столовой и нам причитается получить очень немного. Последние дни дети подголодают изрядно. На базаре почти ничего нет, да и цены не по карману, вообще здесь значительно ухудшается положение, т. к. народу здесь все прибывает из эвакуированных городов. Молоко

у нас 50 р. литр, и я его не беру даже Машутке (полугодовалой – прим. авт.). <...> В столовой тоже с 20-го сентября вдвое уменьшили порции и это стало так мало, что даже Танюшке (2 года – прим. авт.) не хватает порции досыта. <...> Морально же у нас несравненно лучше и спокойнее, и я страшно довольна, что уехала из Загорска, с Васей мне ничего так не страшно, как там. Он всё обещает, что ему дадут картошку, и тогда мы заживем. В прошлом году в это время они здесь объедались и хлебом, и овощами, и жирами, и мясом, их просто заваливали и, особенно, профессоров и доцентов. Они здесь привилегированный класс. Около Васи кормилась целая кучка людей, а он, конечно, старался угощать...»¹⁴

Вскоре Флоренские переехали во второй шлакоблочный дом преподавателей. Им выделили хорошую комнату на втором этаже. Сейчас дом готовится к сносу. Весной 2005 года жильцы этой комнаты позволили оставить в ней цветы и сфотографировать с балкона. Это точно та точка, оттуда профессор В. Н. Владиславлев в 1941 г. сфотографировал «первый шлакоблочный» и угол административного корпуса института.

В августе 1942 г. директором института была назначена Вера Николаевна Ларичкина. Сталинский (Орджоникидзевский) районный комитет и Башкирский обком ВКП(б) отмечают, что она внесла существенный вклад в развитие материально-технической базы Московского нефтяного института, в организацию учебно-воспитательного процесса и выпуска инженерных кадров для нужд народного хозяйства в условиях сурового военного времени. Осенью 1942 г. в МНИ было зачислено 280 студентов, кроме того, переведены студенты нефтяных специальностей Свердловского горного института. На геологоразведочный факультет зачислен 81 человек, из числа которых были сформированы 3 академические группы геологов (по 27 человек в каждой) по следующим специальностям:

- 42-Г-1 – Поиск и разведка нефтяных месторождений;
- 42-Г-2 – Нефтепромысловая геология;
- 42-Г-3 – Геофизические методы разведки.

Второй военный учебный год начался по приказу Комитета по делам высшей школы

¹¹Повезло, случайно купили бритвенные приборы: чашку и стаканчик из черной пластмассы.

¹²Зарплату в институте платили вовремя, но деньги Василий Павлович послал матери и сестрам, а семье не осталось.

¹³Соль была большим дефицитом, были съедены даже коллекционные образцы соли из музея.

¹⁴Говоря об изобилии, В. П. Флоренский лукавил, объясняя, что голодал, так как посылал продукты в Загорск. Что касается «кучки людей», то ими были студенты и аспиранты, которых продолжала подкармливать и Наталия Ивановна.

1 октября, так как до этого студенты были мобилизованы на сельскохозяйственные работы в Стерлитамакский зерносовхоз и совхоз № 9.

В октябре 1942 г. преподаватели и сотрудники МНИ внесли деньги на строительство именного танка. Профессор математики С. В. Владиславлев – очень активный человек – имел множество увлечений. В частности, любил фотографировать: у него был запас фотобумаги и проявителя, но не было фиксажа. Подаренные фотографии чернели, и он просил хранить

Список присутствующих на заседании геологического кружка, состоявшемся 21 января 1943 года. Уфа, Соцгород. На заседании был заслушан доклад студента-дипломника В. С. Князева (гр. 38-Г-1) «Нефтеносность Восточной Сибири по данным работ 1942 г.» и содоклад Н. А. Михайловой (гр. 38-Г-1) «Предварительные итоги геолого-съёмочных работ 1942 г. в Ангаро-Идинском районе».

1. Сороков	26. Залкинд
2. Лашкина	27. Жидовникова 42-Г-
3. Браташ 42-Г-3	28. Браташ 39-Г-1
4. Михайлова	29. Панасюк 39-Г-1
5. Михайлова 42-Г-1	30. Душаккина
6. Михайлова 42-Г-3	31. Богданкина } 42-Г-
7. Михайлова 42-Г-1	32. Борова
8. Михайлова 42-Г-1	33. Борова 42-Г-2
9. Михайлова 42-Г-2	34. Борова
10. Михайлова 42-Г-3	35. Михайлова 38-Г-1
11. Михайлова } 42-Г-2	36. Душак 38-Г-1
12. Михайлова	37. Косарева 39-Г-1
13. Михайлова 42-Г-1	38. Зайкина 40-Г-1
14. Михайлова 40-Г-1	39. Зайкина 39-Г-1
15. Михайлова 39-Г-1	40. Зайкина 39-Г-1
16. Михайлова 39-Г-1	41. Зайкина 39-Г-1
17. Михайлова 41-Г-1	42. Косарева
18. Михайлова 41-Г-1	43. Зайкина 39-Г-1
19. Михайлова 42-Г-2	44. Зайкина 39-Г-1
20. Михайлова 42-Г-2	45. Зайкина 39-Г-1
21. Михайлова 42-Г-2	46. Зайкина 42-Г-2
22. Михайлова 42-Г-2	47. Зайкина 42-Г-3
23. Михайлова 42-Г-2	48. Зайкина 42-Г-3
24. Михайлова 42-Г-2	49. Зайкина 42-Г-3
25. Михайлова 42-Г-2	50. Зайкина 42-Г-3
	51. Зайкина 42-Г-2
	52. Зайкина 42-Г-2
	53. Зайкина 42-Г-2
	54. Зайкина 42-Г-2

их в темноте. Кроме того, мастерил детям деревянные игрушки. Мне он сделал самолет с крутящимся на ветру пропеллером; брату Ивану – модель танка, который назывался МНИ (как танк, построенный на деньги сотрудников института), а кому-то из соседей, кажется, Виталику Дунаеву – модель построенного на деньги колхозников танка – «Тамбовский колхозник».

Зима 1942/43 г. выдалась такой же морозной и особенно вьюжной. Железнодорожные пути на станции Черниковка заносило снегом на полтора метра. Останавливались поезда, которые везли раненых с фронта, и встречные, шедшие на передовую: не могли уйти цистерны с горючим с Уфимского завода, платформы с танками – с Челябинского. Тогда ночью в институт звонили из райкома партии, и все поднимались на расчистку путей. Работали до рассвета. А утром, когда в снежных траншеях начинали двигаться поезда, усталые, с обмороженными руками и лицами, шли в аудитории. Так было и в ночь с 26 на 27 января, когда от Института вышли на расчистку путей 262 человека. Это утро особенно запомнилось, т. к. работавшим выдали по два кусочка белого хлеба, вкус которого все уже забыли. В. П. Флоренский принес эти два кусочка домой и разделил их между детьми. Каждому досталось по половинке кусочка. Тогда для нас это было лакомством.

Бытовые условия оставались очень суровыми. Занятия все также проходили при свете керосиновых ламп, нередко лектор и слушатели были в шубах. Во многих группах было всего 6-8 студентов. Недоедали: порции в столовой были невелики. Неоценима помощь нефтяников: Башнефтекомбин выделил институту овощи и картофель.

В нашем, 2-ом шлакоблочном доме жили две маленькие седенькие старушки – сестры Залкинд. Одна – Ася Абрамовна, преподававшая марксизм-ленинизм, революционерка и политкаторжанка, рассказывала, что В. И. Ленин упоминал ее в своих воспоминаниях. Нашлись дотошные студенты, отыскавшие это упоминание. Ася Абрамовна считала свой предмет наиважнейшим и требовала внимания. Когда аудитория показалась ей холодной, она заявила декану Геологоразведочного факультета: «Вы саботируете преподавание марксизма-ленинизма!» Обвинение было серьезным и чревато последствиями. После двух бессонных ночей теплая аудитория нашлась. Но для нас, детей, они были добрыми и милыми старушками. Мы знали, когда к ним приходила посылка из Москвы, и крутились в коридоре около дверей (1-й этаж, направо первая дверь). По традиции политкаторжан дореволюционного

времени посылку полагалось делить на всех. Залкинды раздавали её детям. Доставалось по кусочку колотого сахара и сухарику белого хлеба. Уже готовя эту книгу, я узнал, что они были двоюродными сестрами революционерки Землячки (Розалия Самойловна Залкинд, 1876–1947), одной из руководителей и личных исполнителей массовых расстрелов офицеров армии П. Н. Врангеля, сдавшихся, поверив слову М. В. Фрунзе, обещавшего им прощение. А сестры её очень любили детей...

Вопреки трудностям, научная работа института налаживалась. Профессора и преподаватели готовили учебники, учебные пособия и методическую литературу. Некоторые делали это по личной инициативе; часть работ была включена в госбюджетную тематику. В 1942 г. научные исследования проводились по 27-ми темам, финансируемым из госбюджета, и 20-ти темам, выполняемым на условиях хозрасчета. На кафедре петрографии велись следующие темы:

- Литолого-фациальное изучение палеозойских отложений Нытвинского Краснокамского района (доктор геолого-минералогических наук Л. В. Пустовалов, ст. науч. сотр. Т. А. Лапинская).
- Составление учебного руководства по курсу «Петрография магматических и метаморфических горных пород» (канд. геол.-минер. наук В. П. Флоренский).
- Литолого-фациальный анализ угленосных отложений Европейской части СССР (асс. А. Г. Коссовская, 1941 г.)
- Лекции по минералогии (д-р геол.-минер. наук Л. В. Пустовалов, конец 1942 г.).
- Петрографический практикум (канд. геол.-минер. наук В. П. Флоренский, конец 1942 г.).
- Структура пегнитолитов (канд. геол.-минер. наук В. П. Флоренский, 1943 г.).

Научные интересы доцента В. П. Флоренского были связаны с исследованием пермских отложений Волго-Уральской области. Результаты его научных исследований 1941–1943 гг. опубликованы в 1946 г. в Сборнике трудов МНИ. А в 1948 г. вышла работа о кунгурских отложениях Западного Приуралья, проводятся исследования девонских пород Туймазинского месторождения, а затем бавлинской свиты Башкирии.

Помимо организации учебных занятий в здании института, был создан научный студенческий кружок геологоразведочного факультета, руководителем которого стал декан факультета В. П. Флоренский. Он регулярно проводил со студентами экскурсии по берегам реки Белой, изучали карст в окрестностях ж.-д. станции, названной по имени карстовых структур – Воронки. Первое заседание кружка состоялось 28 декабря 1942 г. В. П. Флоренский рассказал о задачах кружка, был заслушан доклад студента Д. С. Сорокова на тему «Стратегическое сырье и война», утвержден план работы. Среди рукописей, «которые не горят» в архиве кафедры литологии хранятся документы той легендарной поры: протоколы заседаний кружка, переписка со студентами. Из присутствовавших на первом заседании многие стали известными учеными, педагогами, организаторами нефтяной промышленности.

Заседания кружка проходили регулярно 1-2 раза в месяц, часто заслушивались реферативные сообщения, но были и доклады об оригинальных исследованиях. Тематика становилась все разнообразней и интересней, так как преподаватели и студенты получили возможность снова вести научные исследования в восточных районах Советского Союза.

В апреле 1943 г. вышел рукописный «Бюллетень научного геологического кружка МНИ № 1». Об этом уникальном издании надо сказать особо. Бумага была тогда величайшим дефицитом, но даже оформление бюллетеня изысканно: переплет из тисненого серебристого материала, акварельные иллюстрации, титульная страница с золочеными буквами, безупречная распечатка на машинке. В редколлегию входили преподаватели: В. П. Флоренский, К. Я. Смирницкий, студенты, ставшие впоследствии известными геологами: В. Браташ (39-Г-1), В. Семенович (39-Г-1), В. Постников (39-Г-1), В. Морозова (39-Г-1), Н. Половко (41-Г-1), А. Гаркави (42-Г-2), Л. Дунюшкина (42-Г-2), О. Одинцова (42-Г-2). Еще живы те, кто помнит, как коллективно делали первый номер.

Открывается он редакционной статьей, в которой излагается позиция издателей Бюл-

летения и его назначение: «Основной задачей Бюллетеня является повышение качества подготовки будущих специалистов нефтяной промышленности – промышленности, которая в условиях Отечественной войны имеет первостепенное оборонное значение. Совершенно ясно, что сейчас как никогда нужны специалисты, которые бы сразу с институтской скамьи могли активно включиться в разрешение всех тех задач, которые являются первоочередными для данного момента».

Далее идут материалы, посвященные 80-летию академика В. И. Вернадского.

«12-го марта 1943 года исполнилось 80 лет со дня рождения передового ученого – академика Владимира Ивановича Вернадского. Советская общественность в лице Президиума Верховного Совета СССР должным образом оценила плодотворную научную и общественную деятельность Владимира Ивановича: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1943 года за выдающиеся заслуги в развитии геохимии и генетической минералогии В. И. Вернадский награжден орденом Трудового Красного Знамени, биогеохимической лаборатории АН СССР присвоено наименование “Лаборатория геохимических проблем имени академика В. И. Вернадского”, за многолетние выдающиеся работы в области науки Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 24 марта 1943 года В. И. Вернадскому присуждена Сталинская премия первой степени».

На 6-м заседании научного геологического кружка с докладом о жизни и научно-общественной деятельности Владимира Ивановича выступил студент группы 39-Г-1 В. Семенович. От имени кружка послали Владимиру Ивановичу Вернадскому приветственную телеграмму:

«Дорогой Владимир Иванович!

Геологический кружок Московского нефтяного института поздравляет Вас с правительственной наградой и желает Вам здоровья и плодотворной работы на благо нашей Родины».

А далее следует статья студента В. Семеновича (39-Г-1) «К 80-летию академика В. И. Вернадского».

Приведем оглавление этого интересного «Бюллетеня»:

А. Гаркави (42-Г-2). Значение Везувия в истории геологии и общественных наук.

М. П. Казаков (доц.). О региональных исследованиях в Прибельской полосе между рр. Уршаком и Усолкой Восточной Башкирии.

В. Глезер (39-Г-1). Карлинское нефтяное месторождение.

В. Браташ (39-Г-1). Об одной из текстур Нижнетатарских образований.

В. П. Флоренский (доц.). Об одном из методов сопоставления химических анализов осадочных пород.

В. Мордовский (39-Г-1). О распределении нефтей по их удельным весам.

В. Семенович (39-Г-1). Газовая съемка.

В. Семенович (39-Г-1). Геологическая терминология.

Н. Рутенберг (42-Г-2). Заседания научного геологического кружка.

Н. Половко (41-Г-1). Хроника.

В. Постников (39-Г-1). Библиография. Геологическая викторина.

Редактор В. Мордовский (39-Г-1).

Академики в Боровом за вечерним чтением. Читает Н. Зелинский, справа В. И. Вернадский, слева - ??, в глубине - ...

К концу 1942 г. дела на фронтах изменились. Фашисты были отброшены от Москвы, и встал вопрос о реэвакуации – возвращении предприятий, институтов и их сотрудников. Однако в эвакуационных документах Государственного комитета обороны и СНК СССР Московский нефтяной институт был обозначен как не подлежащий реэвакуации. После сложных хлопот 10 октября 1942 г. последовал приказ Всесоюзного комитета по делам высшей школы (на основании Постановления Совнаркома СССР от 7 октября 1942 г.) о возобновлении работы в Москве ряда институтов, в т. ч. МНИ им. И. М. Губкина. С 15 октября 1942 г. (ровно год после начала эвакуации) институт функционировал официально, хотя и на правах филиала Уфимского нефтяного института. 23 декабря 1942 г. на совещании оставшегося в Москве профессорско-преподавательского состава был поставлен вопрос о возвращении студентов старших курсов в столицу. Всего в то время в институте обучалось 892 студента: 207 в Москве и 608 в Уфе. Было ясно, что оставление на Востоке всех выехавших из Москвы преподавателей и студентов, среди которых много коренных москвичей, едва ли окажется плодотворным. Центробежные силы будут разъедать и студенческий и профессорско-преподавательский состав. С разрешения Наркомнефти и согласия директора В. Н. Ларичкиной отозвали в Москву ряд ведущих преподавателей и сотрудников института.

В зимнюю экзаменационную сессию 1942/43 г. в Институте провели соревнования в честь XXV годовщины РККА на лучшую академическую группу и лучшую кафедру. Победители, в т. ч. 24 студента ГРФ, получили ордера на покупку промтоваров, какой-либо одежды. Премии ордерами устанавливались и для отличников. Лучшей оказалась группа первокурсников-геофизиков 42-Г-21, старостой которой был А. Холин, впоследствии доктор геолого-минералогических наук, руководитель проблемной лаборатории по ядерной геофизике, а комсоргом – И. Фельдман, создатель лаборатории рентгеновского анализа глин. Были объявлены благодарности группам, занявшим первые места по факультетам. На геологоразведочном были отмечены 40-Г-1 (3-й курс) и 42-Г-1 (1-й курс). Геологоразведочный факультет показал лучшие результаты в зимнюю сессию, а лучшей стала кафедра общей геологии. В 1943 г. два студента группы 40-Г-1 М. Е. Воскобойников и В. В. Семенович были удостоены Сталинской стипендии. В марте 1943 г. окончили МНИ с защитой дипломных проектов и были направлены на производство в качестве молодых специалистов 4 студента ГРФ.

Весной 1943 г. по случаю праздника Первого мая возобновилось соревнование на лучшую группу. На геологоразведочном факультете снова лучшей оказалась 42-Г-1. А именными стипендии получили те, кто позже стали видными учеными, педагогами и производственниками. Второй военный учебный год в эвакуации успешно закончился. Студентов стало вдвое больше. Возрос прием, создавались новые факультеты и специальности. С 15 сентября 1943 года студенты института освобождались от призыва в армию, а всем успевающим устанавливалась стипендия. Сотрудникам были выделены участки, где они сажали картошку, которую не все успели собрать осенью, ибо вернулись в Москву.

«Весеннюю сессию сдали хорошо, без хвостов. Институт начал собираться обратно в Москву, и мы тоже. До отъезда мне пришлось с Гюгочкой съездить в командировку в Ишимбай. Мальчику было 8 месяцев. Вася меня проводил. Там меня устроили в общежитии.

Письмо декану В.П.Флоренскому в эвакуацию. 1942

Я собрала материл, а главное – купила подешевле масло, сметану и соль для продажи. Геолог подарил мне 15 кг кусок соли из скважины. Со всем этим скарбом я отправилась в Уфу. Меня, конечно, провожали мужики-геологи. В поезде проверяли и отбирали продукты. Меня местные геологи посадили в вагон с молодыми ребятами милиционерами. В Уфе меня встречал Вася, но когда увидел, как меня высаживают милиционеры, решил, что благоразумнее скрыться, но я, смеясь, вернула его. Милиционеры только удивлялись, почему чемоданы такие тяжелые, но я объяснила, что всё это образцы породы. Вася также ездил в командировку в Гурьев и привез много селедки и черной икры, так что мы ехали в Москву не пустые... В Москву возвращались с Васей порознь. Я ехала в телячьем вагоне с мамой и детьми»*.

Множество вопросов приходилось решать руководству института. Не все имели отношение к учебному процессу. Приведем два письма, сохранившиеся в архиве декана геологоразведочного факультета В. П. Флоренского, датированные 1943 годом.**

«Дорогой Василий Павлович! Прошу прощения за беспокойство, но, надеюсь, что беспокойства подобного рода стали Вам привычны за свою деканскую практику. Пишу Вам о своей дипломной работе... мне здесь даже посоветоваться не с кем... Сознаю Вам: все-таки подготовка у нас неважная вышла – практики нет. Приходится бывать в местах, где геологи многое видят, а я не вижу ничего. У меня скорее взгляд туриста, а не геолога... Остаюсь Вам преданная... (Василий Павлович, убейте, не знаю, что пишется деканам в неофициальных письмах.)

Климушина***».

Второе письмо из той же папки, относится к осени 1943 г.: «Декану В. П. Флоренскому. Моя дочь, Иванова Минодора в 1941 г. училась в институте нефти на геологоразведочном факультете. Я потеряла с нею связь вследствие оккупации города Брянска немцами. Теперь уже 1,5 месяца со времени освобождения Брянска, и я разыскиваю ее и не могу найти. Убедительно прошу не отказать в моей просьбе и сообщить о судьбе ее. Иванова. 2.XI.43г.»

В июле 1943 г. директор института В. Н. Ларичкина была переведена на ответственную работу в Наркомнефть, а исполнение обязанностей директора возложено на А. В. Фатеева, перед которым встала задача разделения института: возвращение части коллектива в Москву и сохранение института в Уфе.

Коллектив МНИ на Первомайской демонстрации. Соцгород. 1943

Студентка группы 41-Г-1 Минодора Иванова с матерью, Елизаветой Николаевной

*Постникова И. Е. Воспоминания...

** Письма хранились в папке с надписью: «Переписка с разными лицами. Папка № 7. 1942-1943 гг. Уфа».

*** Климушина Лидия Ивановна – известный геолог-нефтяник

**** Иванова Минодора Макаровна – ныне известный геолог-нефтяник, профессор, много лет заведовала кафедрой промышленной геологии нашего института.

А в Москве в здании института на Б. Калужской, 6 жизнь продолжалась: велись научно-исследовательские работы, механические мастерские перешли на серийное производство корпусов гранаты Сердюка. Преподаватели продолжали занятия с немногими оставшимися в Москве студентами. 1 марта 1942 г. в институте возобновились занятия с выпускниками, а с 17 марта – со студентами 3-го и 4-го курсов. Правда, сначала – неофициально. Записалось всего около 50-ти человек. Нередко занимались, как и в Уфе, в пальто и шубах.

21 марта 1943 г., когда уже началось увольнение из армии специалистов народного хозяйства, В. И. Данчев вернулся в институт. За три месяца была завершена кандидатская диссертация и новый 1944/45 учебный год он начал в должности и. о. доцента, работая одновременно в отделе петрографии осадочных пород Института Геологических наук АН СССР, которым заведовал Л. В. Пустовалов.

А в Уфе студенты и преподаватели упаковывали имущество и ждали возвращения в Москву. Весной 1943 г. председателем реэвакуационной комиссии был назначен В. П. Флоренский. Было выделено несколько вагонов для сотрудников и студентов. С собой взяли только часть микроскопов. Коллекции пород, минералов, лабораторное оборудование – все было оставлено Уфимскому институту. Реэвакуация заняла около полугода: новый учебный год в сентябре институт начал в Москве пока как филиал, а основной институт остался в Уфе (с 1948 года Уфимский нефтяной институт).

Председатель реэвакуационной комиссии В. П. Флоренский обязан был уехать последним, как капитан корабля. Он уехал с семьей и несколькими сотрудниками в теплушке зимой в конце 1943 г.

11 мая 1943 г. здание института в Москве постигло бедствие. Произошел взрыв, возник пожар. Шепотом говорили, что в подвалах в мастерских производили боеприпасы. Отстоять удалось немного. Погибли все коллекции располагавшегося на третьем этаже Музея петрографии. Украшением коллекции был гигантский кристалл прозрачного кварца весом более тонны. Он раскололся на куски, которые потом долго хранились на кафедре. Здание института значительно пострадало, 4-й и 5-й этажи пришлось на некоторое время законсервировать. Пострадали от воды и книгохранилища фундаментальной библиотеки института на 1-м и в полуподвальном этажах.

Именно в день взрыва народный комиссар нефтяной промышленности СССР и Председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы (ВКВШ) подписали приказ о создании двух нефтяных вузов – в Москве и Уфе.

«№ 265/99

11 мая 1943 г.

В соответствии с Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР № 1644 от 7 октября 1942 г. и во изменение приказов Наркомнефти № 365 от 13 октября 1942 г. и ВКВШ № 244 от 10 октября 1942 г.

Грамота гвардии инженер-капитану В. Ф. Козицкому. Воевал в 1942-1945 годах.

Приказываем:

Основной Московский нефтяной институт имени академика И. М. Губкина считать в г. Москве, филиал Московского нефтяного института имени И. М. Губкина – в г. Уфе.

Народный комиссар Нефтяной промышленности
И. Седин

Председатель Всесоюзного комитета
по делам высшей школы при СНК СССР
С. Кафтанов

В этом приказе есть строки, к которым следует отнестись с особым вниманием: «Назначить товарища Топчиева Александра Васильевича директором Московского нефтяного института имени И. М. Губкина, освободить его от обязанностей директора филиала МНИ им. И. М. Губкина Москве». Заместителем директора по научно-учебной части был назначен вернувшийся в Москву профессор Л. В. Пустовалов.

Теперь институту предстояло принять возвращающихся из Уфы студентов старших курсов, преподавателей, сотрудников, разместить лабораторное оборудование. А площадь после пожара сократилась, строителей не было – ушли на фронт. Институт отстраивали собственными силами, и к 1 октября 1943 г. три четверти аудиторного и лабораторного фонда было восстановлено.

Московскому нефтяному институту, возвратившемуся в Москву в августе 1943 г., пришлось осваивать новые помещения, так как ремонт в старых, пострадавших от пожара лабораториях кафедры на 5-м этаже еще не был закончен.

Грамота красноармейцу Е. В. Гординскому. Воевал в 1942-1945 годах.

Опасность потерять институт вызвала беспокойство в обкоме ВКП(б) и Совнарком Башкирии. Они запросили Совнарком СССР обязать наркома Наркомнефти тов. Седина укомплектовать Уфимский институт необходимым количеством профессоров и преподавателей и вернуть отозванных в Москву преподавателей Московского нефтяного института.

В одном из официальных документов в связи с разделением институтов писалось: «Необходимо учесть, что СССР является первой в мире страной по запасу нефти. В ближайшие годы и пятилетки предстоит невиданный еще разворот нефтяной промышленности. Чем больше у нас будет периферийных учебных и научно-исследовательских центров, тем большая нужда будет в мощном центральном учебно-научном центре столичного и, более того, мирового значения, как и подобает нашей социалистической стране с ее удельным весом мировых запасов нефти. Все это требует, чтобы оставался Московский нефтяной институт с сохранением в нем основного костяка высококвалифицированных кадров нефтяников. Мы считаем, что сохранение Московского нефтяного института не исключает Восточный институт и, наоборот, создание Восточного института не означает поглощения им Московского нефтяного института. Для создания работоспособного Восточного нефтяного института мы считаем необходимым:

1. Оставление в Уфе одного или двух первых курсов, всей вывезенной сюда лабораторной и учебно-научной базы, необходимой в первую очередь для обслуживания первых двух курсов с последующим пополнением ее и наращиванием для обслуживания в дальнейшем всех старших курсов.

2. Основной базой для создания Восточного нефтяного института как по линии материальной, так и по линии кадровой должен быть Московский нефтяной институт.

3. Восточный нефтяной институт должен быть переведен из Соцгорода в Уфу, однако не ранее конца учебного года, чтобы не сломать предстоящий семестр переездами.

4. Немедленно начать подготовку к новому набору студентов из местного населения, а не из эвакуированных, поскольку опыт таких наборов в Уфе показал последующую текучесть студенчества, набираемого не из местного населения.

5. Помимо оставляемых кадров МНИ в Восточный нефтяной институт должна быть влита довольно компактная группа местных работников, которая могла бы помочь парт-организации быстрее переломить нездоровые, ликвидаторские настроения приезжей части. В первую очередь должен быть пересмотрен руководящий состав института и пополнен местными работниками.

6. Создать устойчивую хозяйственную базу нового института для удовлетворения материально-бытовых нужд студентов и профессорско-преподавательского состава.

Если же, однако, будет признано более целесообразным оставить в Уфе все курсы МНИ, то, наряду с немедленным укреплением руководства института местными работниками, необходимо, не медля ни единого дня (чтобы не поставить учебный процесс на старших курсах перед полным провалом и катастрофой), вызвать для ведения занятий на старших

Грамота о награждении Московского нефтяного института Орденом Трудового Красного Знамени

Сотрудники института, награжденные орденами и медалями в честь 25-летия МНИ. Москва, Кремль. 1945.

курсах следующих специалистов из Москвы: проф. Обрядчикова, доц. Маркелова, доц. Яблонского, Радушного, Егорова, Великовского, проф. Чарыгина, а также преподавателей физической и органической химии, геологии нефтяных месторождений мира, нефтяных месторождений СССР.

Остальных преподавателей будем подбирать на месте.

Кроме того, необходимо помочь в организации лабораторий физики, электротехники, бурения, эксплуатации, промышленной механики и вернуть вывезенное летом из Уфы в Москву оборудование лабораторий геофизики. Необходимо также пополнить из Москвы учебной и научной литературой библиотеку института, которая также была летом вывезена обратно в Москву. Само собой разумеется, что необходимо будет пересмотреть смету и подвести финансовую базу под развертывание работы института в составе всех его курсов.

Во всяком случае, любое решение по вопросу о реорганизации института должно быть ускорено, чтобы изжить ту неопределенность, которая в течение длительного времени волнует коллектив студентов и преподавателей, мешая налаживанию напряженного ритма работы, необходимого для того, чтобы справиться с такой серьезной задачей, как создание на новом месте нового высшего технического учебного заведения в условиях военного времени».

Руководители и весь коллектив МНИ совершили в годы Великой Отечественной войны трудовой подвиг. Огромные организаторские способности, ум, талант, деловые качества директора и его заместителей позволили МНИ первым из всех эвакуированных вузов страны начать учебный процесс и выпускать специалистов для нужд нефтяной промышленности и фронта. Деятельность института и его сотрудников была высоко оценена правительством: орденом Трудового Красного Знамени был награжден 19 июня 1945 года весь институт; 42 преподавателя и сотрудника были награждены орденами и медалями, в том числе орден Трудового Красного Знамени получил профессор Л. В. Пустовалов, Знак Почета – доцент В. П. Флоренский.